

О первом в новой истории православного Оренбурга Димитриевском мужском монастыре — беседа наместника обители игумена Варнавы (Соколова) и журналиста Татьяны Морозовой

21 октября 2016 года Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение об открытии в городе Оренбурге Димитриевского мужского монастыря. Восьмого ноября 2016 года состоялось официальное открытие монастыря: после Божественной литургии в Димитриевском храме митрополит Оренбургский и Саракташский Вениамин возвёл иеромонаха Варнаву (Соколова) в сан игумена и вручил ему жезл — знак власти наместника над монастырём. Название новый монастырь получил от храма, при котором располагается молодая монашеская община.

Димитриевский храм, что на ул. Попова, 98, за свою 127-летнюю историю пережил многое, но, вероятно, теперь обрёл своё истинное предназначение — быть кораблём спасения в бурном мире — тихой обителью среди шумного города...

— Отец Варнава, вы ведь преподавали в воскресной школе в Димитриевском храме, ещё не будучи монахом. Случайность или закономерность? Ходили в этот храм в молодости?

— Чем дольше я живу, тем больше понимаю, что ничего случайного не бывает. Более того, преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Наблюдайте внимательно вашу жизнь, потому что случайного не бывает». Так и я наблюдаю, что всё не случайно, всё промыслительно, и вижу, как Господь буквально каждую душу ведёт по пути ко спасению.

И когда я оказался здесь, в этом храме сначала настоятелем, а потом игуменом, я, конечно, кроме того, чтобы воскликнуть: «Дивны дела Твои, Господи!», ничего больше не мог. Потому что это именно тот храм, в который я ходил до монастыря, когда я стал воцерковляться. Крестился я сам в 19 лет, в достаточно взрослом состоянии, но, крестившись, я не воцерковился, а продолжал вести жизнь обычного московского студента.

И только спустя 10 лет, когда я оказался в каких-то скорбных обстоятельствах, тогда и уже пришёл к Богу, но стал воцерковляться просто по совету друга, однокашника по МИФИ, я даже не знал, что это нужно! А он мне сказал, что, раз ты верующий человек, то тебе надо обязательно воцерковиться, нужно обязательно иметь духовного отца и съездить куда-то на святое место, например, в Оптину Пустынь. И посоветовал сначала выбрать себе храм, куда я буду ходить, и ходить туда постоянно. Вот это и был мой первый шаг. И, если я раньше ходил в разные храмы Оренбурга, то тогда выбрал именно вот этот храм — Дмитриевский, хотя он был не ближайший. Я стал туда ходить чаще, потом познакомился с отцом Георгием (в настоящее время — протоиерей Георгий Горлов, ректор Оренбургской епархиальной православной гимназии, председатель отдела культуры Оренбургской епархии — **Т.М.**), он меня

привлёк к преподаванию в воскресной школе, и через это преподавание я воцерковился по-настоящему.

Знаете, самой большой проблемой для меня было регулярно ходить в храм — в воскресенье, в единственный свой выходной день, вместо того, чтобы отсыпаться — идти в храм, к началу службы, да ещё на голодный желудок... И частенько я находил для себя какие-нибудь оправдательные причины, чтобы не идти. А тут меня поставили преподавать. Представляете, дети приходят в воскресную школу после литургии, а я там не был, ну какой же я учитель после этого! И я стал ходить каждое воскресенье. А когда прошло примерно сорок дней — сорокоуст — я уже отметил, что сорок дней — этот срок имеет своё значение, то есть месяца через полтора-два я заметил, что моя жизнь изменилась. Это был коренной момент в моей жизни.

Стала меняться именно внутренняя жизнь, и это стало заметно. Это был где-то 2000 год. Через год примерно отца Георгия благословили возглавить гимназию, которую открыл протоиерей Леонид Антипов (сейчас епископ Бузулукский и Сорочинский Алексей). А у меня к тому времени уже было законченное светское образование — иняз нашего пединститута, и в гимназии был английский язык, отец Георгий предложил мне попробовать преподавать там, я согласился с радостью, мне это было очень интересно.

За эти два года, что я воцерковился, я старался жить по воле Божией, как я её понимал. Меня иногда спрашивают, а как понять эту волю? Приведу свой пример. У меня тогда был выбор — преподавать в ОГУ или в пединституте, я не мог выбрать. И отец Георгий говорит: давай помолимся, а там как Бог даст. А я говорю, а как это — помолимся? И вот мы собрались в Дмитриевском храме вечером, отслужили молебен с акафистом Божией Матери перед Её иконой «Скоропослушница». Я говорю — ну, и что теперь? А он говорит, ну, теперь Господь управит. И так и вышло. Я собирался уже было идти в ОГУ, но как-то так получилось, что я оказался в пединституте. Это было первый раз в жизни, когда я не жалел о сделанном выборе. Я подумал — как хорошо, как хорошо жить по воле Божией!

И вот, за два года такой жизни, к 2002 году я подошёл уже к двум таким выборам в моей жизни, которые нельзя было совместить. Мне нравилась монашеская жизнь — я побывал уже в Оптиной Пустыни, мне там понравилось очень, вообще, сама жизнь в монастыре очень понравилась, жизнь в обители, жизнь по послушанию. В то же время мне нравилась и моя деятельность в православной гимназии, и надо было выбирать...

Я понимал, что это очень важный выбор, я долго молился, чтобы Господь вразумил меня, где, всё-таки, воля Божия. Для

этого я второй раз поехал в Оптину Пустынь. Вернувшись к концу лета 2002 года, я сообщил уже — а все были подготовлены, я всех предупредил, что может быть такой выбор, и 11 сентября 2002 года я уехал в Андреевку с мыслью: годик поживу, а там как Бог даст. Ну, и Бог дал так, что через год я уже принял постриг с именем Варнава. И 13 лет я прожил в том монастыре, в 2003 году меня рукоположили в сан иеродиакона, а в 2005 — в священника, в иеромонаха, и я уже думал, что там и закончу свои дни. Но кто же знал, что так случится, что меня перевели сначала в Верхнюю Платовку, потом назначили настоятелем Дмитриевского храма, а потом игуменом!

И когда я, сделав такой круг, оказался в Дмитриевском храме, да ещё настоятелем, я вспомнил себя — тогдашнего — и подумал: знал ли я, будучи молодым студентом, который приходил в этот храм и стоял где-то в уголке, там молился и в сторону алтаря даже боялся смотреть — что я буду настоятелем этого храма, да ещё и монастыря! И понятно, что это, конечно, по Промыслу Божию... Когда в жизни такие совпадения, то понятно, что это не случайно!

— Расскажите о вашей семье: мать, Людмила Борисовна, отец, Александр Григорьевич — они верующие?

— Моя семья была очень светская. Даже тот факт, что мы все были некрещёные: ни я, ни мой

папа, ни мама, только наши бабушки и дедушки, но и они не были воцерковлёнными. Моя бабушка, которая со мной жила, была учительницей. Для нас было естественно пойти по стопам родителей, правда, время внесло свои коррективы, в 1988—98 годах что-то поменялось в нашей стране, и это возрождение духовной жизни коснулось и нас. Сначала крестился мой брат, потом я, потом и мои папа и мама. Но, приняв Крещение, они не могли принять того факта, что их сын пойдёт по духовной линии. Ещё в сознании интеллигентных семей жило такое: ну, вера — это где-то там, она имеет право на существование, это очень важно, но это всё как-то отдельно. Там есть какие-то священники, они как-то по-своему живут, какие-то бабушки молятся, ну а мы — просвещённая интеллигенция, мы своим делом занимаемся. А тут вдруг их сын начинает ходить в храм, да не просто, а каждую неделю, да ещё преподавать в каких-то воскресных школах... Мама сначала думала, ладно, может, это увлечение пройдёт, и всё станет на свои места.

После посещения Оптиной Пустыни я целый год периодически им говорил, что рано или поздно, но уйду в монастырь. Они, конечно, это всерьёз не воспринимали. И когда я им наконец-то сказал, что пошёл в монастырь, для мамы это было, всё-таки, неожиданностью. Но у меня уже решимость была

твёрдая, выстраданная. Как говорит Евангелие, положив свою руку на орало, не оборачивайся вспять («Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9:62)). Когда я уже понял, что это была воля Божия, то, не останавливаясь, пошёл туда.

И, знаете, вот что удивительно: есть такой закон, что Господь берёт на себя все попечения того, кто уходит в монастырь, то есть, если себя человек полностью посвящает Богу, то Господь берёт на себя все его попечения, которые были в миру. Как только я принял постриг, с этого момента все мои мирские обязанности разрешились наилучшим образом. В гимназию нашли преподавателя иностранного языка, хотя до этого целый год не могли этого сделать, мама с папой обвенчались, чего я не мог, конечно, предположить, у них до сих пор, слава Богу, замечательная работа, они оба, хотя и на пенсии — преподают; у моего брата родился второй ребёнок, — в общем, Господь как бы взял под Свой омофор всю нашу семью.

Поэтому я всегда теперь говорю людям — если вы хотите помочь своим близким, умрите для мира и родитесь для Бога, правда, не обязательно идти в монастырь, но, чем больше вы Богу отдадите себя, посвятите свою жизнь Богу, тем больше Бог позаботится о ваших близких.

А что касается нашей семьи, то она приехала в Оренбург из

Забайкалья. Папа родился в Нерчинске. Здесь, в Оренбурге, всю жизнь работал геофизиком в «Оренбургнефти» и в НИПИ-нефть, а сейчас преподаёт в ОГУ на геологическом факультете, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии ОГУ. Мама — педагог, преподаёт в педуниверситете, на кафедре педагогики высшей школы, доктор наук, профессор, у неё защитились более пятидесяти аспирантов.

С моей семьёй связана интересная история. Когда я уже был взрослый, начал ходить в храм, бабушка моя Ефросинья Семёновна, Царство ей Небесное, рассказывала, что был у нас такой предок: Василий Иванович Кутузов, из крестьян. Пошли они однажды на полевые работы, и вдруг началась гроза. Они спрятались под дерево, и ударила молния, и поле вокруг них загорелось. И Василий дал обет, что если останется живым, построит храм. И так потом и сделал! Храм, конечно, небольшой, не как наш, допустим, Никольский собор, но построил! Бабушка сказала, что храм до сих пор стоит, но в безбожное время из него сделали клуб... Я даже знаю, где это село, на карте нашёл, это село Чонгуль, Шелопугинского района, Забайкальского края; у меня есть мечта когда-нибудь туда доехать. И после этого я стал поминать этого сродника и его отца — Василия и Ивана, записочки подавать на проскомидию

об упокоении. И с того времени моя жизнь стала принимать другой, духовный вектор!

От нас же зависит, по какому пути пойдёт наша жизнь. Фаддей Сербский говорит, «как мы мыслим, так и живём», а если посмотреть глубже, то мыслим так, как мы молимся. Есть такое выражение: «ex orandi — lex credendi» — «закон молитвы — закон веры», какова молитва — такова и вера. Соответственно, и жизнь наша — как мы молимся, так мы и живём. Вот тогда я понял на собственном опыте, как важно поминать сродников.

А родился я 27 октября 1970 года в Штральзунде (Германия), папа там работал. Потом приехали в Оренбург, окончил гимназию № 2, поступил в МИФИ, но не доучившись, ушёл в армию, служил в мотострелковых войсках ВС СССР. После армии мои интересы изменились, я некоторое время работал в Москве, а потом поступил в наш Оренбургский пединститут, на факультет иностранных языков, мне было интересно общение с иностранцами — жизнь в стране менялась, это был 1993 год. Во время учёбы мне удалось съездить во Францию на три месяца, и свой диплом по французской песне я там писал.

После института я опять уехал в Москву, и вернулся сюда уже в 2000 году. Два года работал в пединституте и в ОГУ преподавателем английского и французского языков. И в православной

гимназии, как уже говорил. А в 2002 году я, после долгих своих поисков, всё-таки ушёл в монастырь, о чём до сих пор не жалею. 13 декабря 2005 года митрополит Валентин рукоположил меня в сан иеромонаха. В 2015 году я окончил Оренбургскую духовную семинарию, стал преподавать там литургику. Будучи уже в сане игумена новосозданного Дмитриевского мужского монастыря, был назначен благочинным монастырём Оренбургской епархии с сохранением прежних должностей.

Первое историческое отступление. Рождение храма

13 сентября 1886 года в Городскую Управу обратился оренбургский купец второй гильдии Фёдор Петрович Дегтярёв с заявлением, что после смерти его брата Дмитрия Дегтярёва по его духовному завещанию остался капитал в сумме пяти тысяч рублей, и он просит отвести под новое строительство площадь во второй части города для постройки храма во имя святого Дмитрия Мироточивого.

В январе 1887 года Городской Думой было принято решение по постройке храма. Благословение на это Его Преосвященство Макарий, епископ Оренбургский и Уральский (Троицкий, управлял епархией в 1886—1895 гг., †1906). В этом же году по проекту инженера Сахарова была заложена однопрестольная церковь,

способная вместить до семисот человек. Строительство храма продолжалось до 1890 года. Строился он на пожертвования купцов: Ф. Дегтярёва, М. Моисеева и генерал-майора А. Чернова. 30 сентября 1890 года храм был освящён епископом Оренбургским и Уральским Макарием.

В 1897 году стало ясно, что построенный храм оказался мал. По ходатайству прихожан и благотворителей и с благословения епископа Оренбургского и Уральского Владимира (Соколовский-Автономов, управлял епархией в 1896—1903 гг., †1931) на средства купца Максима Макеева был отделан правый придел в честь Святой Троицы. Святой престол был освящён 1 августа 1899 года.

А в 1900 году на средства генерал-майора Чернова, того же купца Макеева, ставшего церковным старостой, и других благотворителей было завершено строительство левого придела в честь Успения Богородицы. Затем протоиерей Дмитриевской церкви Александр Словохотов направляет епископу Оренбургскому и Уральскому Владимиру прошение о том, что «вся постройка согласно проекту закончена, и на сих днях будет закончено возведение левого иконостаса, а посему осмеливается просить разрешения на выдачу антимиаса, а в 13 день августа, в воскресенье, благословить и освятить святой престол и храм».

При храме имелись два дома, пожертвованные в пользу храма

оренбургской мещанкой Матрёной Ерыгиной и крестьянином Воронежской губернии Иваном Александровичем Толмачёвым. Настоятель церкви — священник Павел Васильевич Маров, священник — Иоанн Петрович Рончинский, диакон — Исмаил Фёдорович Думенко, псаломщик — Григорий Матвеевич Сударин, церковный староста — оренбургский купец Максим Матвеевич Мокеев.

— Андреевский монастырь, отец Серафим — что дали они вам за эти годы?

— Я пришёл в монастырь как раз на праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи (вечером 10 сентября), и началась всенощная (всенощная в православных храмах совершается вечером накануне праздника — **Т.М.**), и это не случайно! В Москве моим любимым храмом был храм в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Коломенском — я туда постоянно ходил, хотя он тогда был ещё недействующий. Крестился я в московском же храме рождества Иоанна Предтечи на Пресне, и один из моих любимых святых всегда был Иоанн Предтеча (из молитвы святому: «Крестителю Христов, честный Предтече, крайний пророче, первый мучениче, постников и пустынников наставниче, чистоты учителю и ближний друже

Христов!» — **Т.М.**) Вот и в монастырь я пришёл на его праздник.

В это время там было около двадцати человек, но через две недели часть из них ушла (тогда были такие настроения в связи с ИНН, паспортами...), и нас осталось шестеро. Поэтому пришлось выполнять самые разные послушания. Я научился готовить, печь просфоры, на клиросе петь, да много ещё, чему научился, теперь всё пригодится. Вот это установление, которое в монастыре положил схиархимандрит Серафим (Томин, † 2013), я в себя и впитал. Два его главных постулата: «Главное — богослужение, всё остальное — приложение» и «Храните мир и любовь, где мир и любовь, там Бог». Эти два основных принципа монашеского устройства мы проходили на практике. Я в себя впитал всё это и, конечно, я постараюсь воплотить это и в нынешнем нашем монастыре.

А жизнь моя монашеская в Андреевском монастыре сложилась так, что уже через год отец Серафим благословил мой постриг. Это было для меня очень неожиданно... Накануне празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, 3 ноября 2003 года после Божественной литургии, в нашем храме Михаила Архангела при постриге мне нарекли имя Варнава в честь апостола Варнавы. Пять дней я был в храме не выходя, у нас все постриги совершались так, как положено: всегда пострижник у нас пять

дней находится в храме, без выхода (только по нужде отлучается), братия ему приносит еду, он там и кушает, и спит — совсем немножко, читает Псалтырь на всех службах... Вот и у меня тоже было такое время благодатное. Вскоре (13 декабря, на престольный праздник монастыря — память апостола Андрея Первозванного) меня уже рукоположили во иеродиакона, и ровно через два года (13 декабря 2005 года) — во иеромонаха. Рукоположил меня в сан иеромонаха митрополит Оренбургский и Бузулукский Валентин (Мищук).

Так я там жил, и надеялся, что до конца жизни там и буду...

— Я помню вас в те времена — вы буквально летали с горящими глазами, такой счастливый!

— Да, искушения, конечно, в монашестве всякие бывают, это как Амвросий Оптинский говорит: «В монастыре надо терпения не воз, а целый обоз». Но есть всегда это первое время, когда благодать настолько преизобилует...

Спустя время, в 2015 году, митрополит Валентин назначил меня потрудиться некоторое время настоятелем храма Пресвятой Богородицы села Верхняя Платовка Новосергиевского района...

— В том же году, кстати, вы окончили нашу Оренбургскую духовную семинарию, вас тут же назначили преподавателем литургики в этой семинарии, а

также духовником Оренбургской епархиальной православной гимназии, древлехранителем епархии...

— Да, итак, Платовка... Там были некоторые нестроения, и надо было как-то наладить приходскую жизнь. Хотя для монаха приход — это неестественное состояние, монах должен жить в монастыре, но этот приход у нас в области особенный. Там много лет была небольшая монашеская женская община, где служил протоиерей Григорий Петренко (ныне — насельник Свято-Троицкой Симеоновой обители милосердия в Саракташе — Т.М.), а ранее — отец Стефан Акашев, этот приход всегда был духовным центром Оренбургской области. Храм Пресвятой Богородицы одним из первых открылся в 1944 году, когда стали открывать и возвращать храмы, и с тех пор уже не закрывался, и там всегда были такие вот молитвенники, и людей много туда приезжало. Когда я туда приехал, там уже было семь монахинь и один монах. И сейчас владыка Вениамин, когда пришёл на кафедру, благословил создать там скит, но это уже другая тема. Тем не менее я сейчас остаюсь там настоятелем, мне приходится окормлять и эту молодую монашескую общину, заботиться о них, но служить там уже не успеваю, там служат другие священники (указом № 3 от 9 января 2017 г. игумен Варнава освобождён от исполнения обязанностей настоятеля местной

**Ярослав Соколов во время
службы в мотострелковых
войсках ВС СССР, 1988 г.**

**Александр и Людмила
Соколовы, 60-е годы**

Димитриевский храм, 90-е годы

Открытие Димитриевского мужского монастыря 8 ноября 2016 г.

религиозной организации Православного прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Верхняя Платовка Новосергиевского района Оренбургской области Оренбургской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) с сохранением прежних должностей — Т.М.).

А на Троицу, 20 июня 2016 года меня перевели в Дмитриевский храм, назначили настоятелем. Потому что к тому времени владыка Вениамин уже принял решение о создании мужского монастыря. К сожалению, первый настоятель, иеромонах Питирим (Чембулатов), назначенный им и приехавший вместе с митрополитом, по состоянию здоровья вынужден был уехать. Таким образом, назначили меня. Хотя, конечно, мне трудно было согласиться на это, потому что я знаю, насколько трудно создать монастырь там, где никогда его не было... Я знаю, чего это стоило отцу Серафиму.

— Владыка Вениамин, вероятно, будет помогать, раз это была его идея?

— Да, конечно, это он решил, и он будет помогать советами. У него большой монашеский опыт, он более двадцати лет был наместником одного из крупнейших в России Николо-Угрешского мужского монастыря в г. Дзержинском Московской области. Он создал из руин великолепный монастырь. И здесь в первую очередь владыка будет

решать, что и как устроить в этом монастыре, который назван в честь Димитрия Солунского.

Второе историческое отступление. Святой Димитрий

Святой великомученик Димитрий Солунский был сыном римского проконсула в Фессалониках (современные Салоники, славянское название — Солунь). Шёл третий век христианства.

Когда умер отец, а Димитрий уже достиг совершеннолетия, император Галерий Максимиан, вступивший на престол в 305 году, вызвал его к себе и, убедившись в его образованности и военно-административных способностях, назначил его на место отца проконсулом Фессалоникийской области. Главная задача, возложенная на молодого стратега, состояла в обороне города от варваров и истреблении христианства. Интересно, что среди угрожавших римлянам варваров важное место занимали наши предки славяне, особенно охотно селившиеся на Фессалоникийском полуострове. Существует мнение, что и родители Димитрия были славянского происхождения.

В отношении к христианам воля императора была выражена однозначно: «Предавай смерти каждого, кто призывает имя Распятого». Приняв назначение, Димитрий возвратился в Фессалоники и тотчас пред всеми исповедал и прославил Господа нашего Иисуса Христа. Вместо

того, чтобы гнать и казнить христиан, он стал открыто учить жителей города христианской вере и искоренять языческие обычаи и идолопоклонство. Составитель его жития Метафраст говорит, что он стал для Фессалоник в своей учительной ревности «вторым апостолом Павлом», потому что именно «апостол языков» основал когда-то в этом городе первую общину верующих (1 Фес., 2 Фес.). Святому Димитрию предназначено было Господом последовать за святым апостолом Павлом и в мученической кончине.

Когда Максимиан узнал, что вновь назначенный им проконсул — христианин, и многих римских подданных обратил в христианство, гневу императора не было границ. Возвращаясь из похода в Причерноморье, император решил вести армию через Фессалоники, полный желания расправиться с солунскими христианами. Узнав об этом, святой Димитрий заблаговременно повелел своему верному служителю Луппу раздать имение нищим со словами: «Раздели богатство земное между ними — будем искать себе богатства небесного». А сам предался посту и молитве, готовя себя к принятию мученического венца.

Когда император вошёл в город, вызвали к нему Димитрия, и он смело исповедал себя христианином и обличил неправду и суетность римского многобожия. Максимиан приказал заключить исповедника в темницу, но Ангел

сошёл к Димитрию в узилище, утешая и укрепляя в подвиге. Между тем император предался мрачным гладиаторским зрелищам, любуясь, как его любимый силач, германец по имени Лий, сбрасывал побеждённых им в борьбе христиан с помоста на копья воинов. Отважный юноша, по имени Нестор, из солунских христиан, пришёл в темницу к своему наставнику Димитрию и просил благословить его на единоборство с варваром. По благословению Димитрия, Нестор одолел свирепого германца и сбросил его с помоста на копья воинов, как убийца-язычник не раз сбрасывал христиан. Разгневанный повелитель приказал немедленно казнить святого мученика Нестора (память 27 октября) и послал стражу в темницу — пронзить копьями благословившего его на подвиг святого Димитрия.

На рассвете 26 октября 306 года в подземную темницу святого узника явились воины и пронзили его копьями. Верный служитель святой Лупп собрал на полотенце кровь святого великомученика Димитрия, снял с его пальца императорский перстень, знак высокого достоинства, и также омочил в крови. Перстнем и другими святынями, освящёнными кровью святого Димитрия, святой Лупп стал исцелять недужных. Император повелел схватить и умертвить его.

Тело святого великомученика Димитрия было выброшено на съедение диким зверям, но

солунские христиане взяли его и тайно предали земле. При святом равноапостольном Константине (306—337) над могилой святого Димитрия была воздвигнута церковь. Сто лет спустя, при строительстве нового величественного храма на месте ветхого, обретенны были нетленные мощи святого мученика. С VII века при раке великомученика Димитрия началось чудесное истечение благовонного мира, в связи с чем великомученик Димитрий получил церковное именование Мироточивого. Несколько раз почитатели солунского чудотворца делали попытки к перенесению его святых мощей или частицы их в Константинополь. Но неизменно святой Димитрий таинственно проявлял свою волю остаться покровителем и защитником родных Фессалоник. Неоднократно подступавшие к городу славяне-язычники бывали отогнаны от стен Солуни видом грозного светлого юноши, обходившего стены и внушавшего ужас воинам.

С именем святого великомученика Димитрия Солунского связаны первые же страницы русской летописи. Когда Вещий Олег разгромил греков под Константинополем (907), как сообщает летопись, «убоялись греки и говорили: это не Олег, но святой Димитрий послан на нас от Бога». Русские воины всегда верили, что они находятся под особым покровительством святого великомученика Димитрия. Более того, в старинных русских былинах

великомученик Димитрий изображается русским по происхождению — так сливался этот образ с душой русского народа.

Церковное почитание святого великомученика Димитрия в Русской Церкви началось сразу после Крещения Руси. Память святого Димитрия Солунского издревле связывалась на Руси с воинским подвигом, патриотизмом и защитой Отечества. Святой изображается на иконах в виде воина в пернатых доспехах, с копьем и мечом в руках.

В духовном опыте Русской Церкви почитание святого великомученика Димитрия Солунского тесно связано с памятью защитника Родины и Церкви, великого князя Московского Димитрия Донского (†1389). Он был великим почитателем святого великомученика Димитрия. В 1380 году, накануне Куликовской битвы, он торжественно перенёс из Владимира в Москву главную святыню Владимирского Димитриевского собора — икону великомученика Димитрия Солунского, написанную на доске гроба святого. В память воинов, павших в Куликовской битве, установлена была для общецерковного поминовения Димитриевская родительская суббота. В первый раз эта панихида была совершена в Троице-Сергиевом монастыре 20 октября 1380 года Преподобным Сергием, игуменом Радонежским, в присутствии самого великого князя Димитрия Донского.

День памяти святого — 8 ноября по новому стилю (26 октября — по старому).

— Сколько сейчас монахов и послушников в Димитриевском монастыре, кто они и откуда?

— Основная часть монахов, которые сегодня живут в Димитриевском монастыре, приехали с митрополитом. Сейчас у нас семь человек братии, из них два игумена — игумен Никодим (Мартынов) и я, два иеромонаха, один монах и два послушника. Из послушников один — самый старший из нас, другой — самый молодой.

— Что мечтаете сделать в монастыре? Надо, наверное, чтобы монастырь стал «кузницей» монахов, есть ли трудники и нужны ли они?

— Дело в том, что монастырь в городе — это, конечно, место, куда редко приходят люди, чтобы стать монахами. Если человек уже действительно решил стать монахом, вероятнее всего, он поедет куда-нибудь в отдалённый монастырь. Вот у нас два послушника, они оба учатся в семинарии: один очно, другой — заочно. Они тяготеют к монашеству, вот и пришли к нам, поскольку это единственный в городе мужской монастырь. Они и учатся, и выполняют какие-то послушания. Это и для них, и для нас хорошо.

Но останутся ли они у нас навсегда — вопрос открытый.

В любом монастыре бывают так называемые трудники — хотя я не люблю это слово, но оно есть — это люди, которые трудятся, живут при монастыре, но далеко не все потом переходят в разряд даже послушников, не то чтобы монахов. Иногда это просто бездомные, которым нужно пережить зиму, они работают, монастырь их кормит и даёт приют. Но пока нам приходится таким отказывать, так как у нас негде их разместить.

У нас пока даже нет нормальной трапезной. По монастырским правилам, она должна быть отдельно стоящая, чтобы во время трапезы читали жития святых, поучения, и при этом присутствовала вся братия. Мы же пока с трудом помещаемся в маленьком вагончике у храма. Поэтому в планах у нас строительство более просторного братского корпуса и трапезной.

— Сейчас в Димитриевском храме поёт приходской хор под руководством Ларисы Баландиной — он останется или будет потом только мужской, монашеский, как, например, в Андреевке?

— Я, конечно, очень хотел бы, чтобы этот хор у нас остался, потому что он очень хороший и поёт очень молитвенно. Для мужского монастыря желательно было бы иметь мужской хор, но из братии, которая есть сегодня, сделать

полноценный хор вряд ли получится, у нас же нет отца Евлогия с консерваторским образованием, как в Андреевке... Владыка Вениамин сейчас благословил регента из семинарии и меня — мы потихонечку собираем мужской хор. Думаю, они будут существовать оба, потому что служб у нас теперь достаточно, и они длиннее, чем были до монастыря. И прихожане ведь привыкли к тому хору, и мне он очень нравится. Наши хористы — все непрофессионалы, это просто верующие люди, которые пришли петь именно в храм, потому что это главная часть их жизни. Они работают где-то в других местах, но для души поют у нас — не ради денег, не ради концертных амбиций, а для души, как говорится: «Поём Господу, дондеже есть» («Буду петь Господу во [всю] жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь» (Пс. 103:33)).

Когда создастся мужской хор, они будут прекрасно дополнять друг друга, потому что таков опыт многих других мужских монастырей в городах, я это видел на Оптинском подворье в Санкт-Петербурге, в Сретенском монастыре в Москве... Это, даже можно сказать, такая особенность городских монастырей.

Третье историческое отступление. Битва за храм

В 1920–30-х годах развернулась настоящая борьба за храм между государством и верующими,

постоянными прихожанами Дмитриевского храма. Действия безбожников были иезуитски хитрыми.

Обновленчество (официальное самоназвание — Православная Российская Церковь; позднее — Православная Церковь в СССР, также Обновленческий раскол, Живая Церковь, живоцерковничество) — раскольническое движение в русском Православии, возникшее официально после февральской революции 1917 года. Выступало оно против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований. С 1922 по 1926 год движение было единственной официально признаваемой государственными властями РСФСР православной церковной организацией (второй такой организацией в 1926 году стал григорианский Временный Высший Церковный Совет — ВВЦС, «григорьевцы»), в отдельные периоды пользовалось признанием некоторых других поместных Церквей. С конца 1935 года развернулись массовые аресты епископата, духовенства, активных мирян обновленческого движения, хотя в целом репрессии против обновленцев были не столь сильны, как против Патриаршей Церкви.

Как пишет Игорь Никитин, выпускник ПСТГУ, сотрудник московского православного издательства «Отчий дом», подробно исследовавший этот, доселе

малоизвестный широкому читателю, период гонений на Церковь в нашем крае в статье «Оренбургская епархия в 1922—1938 гг.» (первая публикация в книге «Страницы истории Оренбургской епархии» / Под общей редакцией прот. Николая Стремского. — п. Саракташ, 2014. — 336 с.: илл.): «Местные исполнительные власти поддерживали обновленцев тем, что ограничивали возможности для молитвенных собраний «тихоновцев» путём передачи храмов в ведение немногочисленных обновленческих групп верующих. Массовое закрытие молитвенных зданий в крае началось с 1929 года. Отмеченным пиком по количеству закрытых храмов в епархии может быть назван 1931 год, так как только в Оренбурге в этот год было закрыто восемь церквей. В ходе кампании преимущественно закрывались храмы, находящиеся в пользовании «тихоновских» групп верующих. В 1935 году в Оренбурге осталось лишь одно молитвенное здание, и то в руках обновленцев (Димитриевская церковь — Т.М.). В следующем году оно было разделено и приспособлено к тому, чтобы в нём отдельно друг от друга могла совершаться служба для обновленцев и «тихоновской» группы верующих. В 1938 году после волны репрессий, коснувшихся духовенства и членов приходского совета как «тихоновской» группы верующих, так и обновленческой, был закрыт последний действующий в Оренбурге храм».

Углубимся же в тот период и с помощью статьи Игоря Никитина постараемся увидеть в перипетиях жизни Димитриевского храма провозвестие его будущей роли, как основы нового монастыря.

События, связанные с углубляющимся кризисом единства управления Патриаршей церковью (во второй половине 1920-х годов — Т.М.), давали «обновленцам надежду, что завтра или послезавтра начнётся распад «тихоновщины», и им удастся тогда подчинить себе всю российскую паству»¹. Несмотря на отсутствие у обновленцев материальных возможностей поддерживать в нормальном состоянии хозяйственную жизнь в приходах, местные органы власти административным путём способствовали переходу храмовых зданий в руки обновленческих групп верующих.

Пятого октября 1927 года Губисполком расторгнул заключённый со староцерковной общиной договор на предоставление ей Димитриевской церкви, и здание церкви было передано малочисленной обновленческой общине, у которой по соседству с Димитриевской церковью имелось два синодальных храма: Михайловский и Пантелеймоновский². В своём заявлении в Президиум Губисполкома уполномоченные Димитриевской общины старого церковного течения указывают, что «верующие старого течения всех поименованных церквей численностью до 10 000 человек не имеют в своём распоряжении не

только молитвенного уюта, но и места для совершения необходимых треб (отпевание покойников, крещение младенцев, совершение панихид и т.д.)»³ и просят передать своей общине два придела из трёх Димитриевской церкви, либо пустующую Пантелеймоновскую, зарегистрированную на обновленцев, в чём Президиумом Оренбургского окружного исполнительного комитета было отказано⁴.

В 1930 году по предприятиям, организациям, учебным заведениям Оренбурга прокатилась волна собраний, требующих закрытия церквей, передачи их под школы, детские, культурные учреждения, снятия колоколов, прекращения колокольного звона. В феврале-марте 1930 года оренбургские храмы лишились колоколов. Но настроения простого трудящегося народа, далёкого от партии и комсомола, были отнюдь не созвучны планам социалистического и культурного строительства и с болью отзывались на разрушение храмов. Так, на Пасху 1930 года незакрытые в городе храмы были переполнены. Согласно данным ОГПУ, в храмах собрались «верующие — преимущественно пожилой возраст, частично молодёжь и главным образом женщины с куличами»⁵. «Особенно переполнены были церкви: Воскресенская, Троицкая, Зимний собор, Георгиевская, Никольская, Димитриевская...»⁶.

С 1918-го и по 1 марта 1931 года в Оренбурге было закрыто

6 молитвенных зданий и 13 молитвенных помещений, которые находились в пользовании староцерковных общин, одно молитвенное здание, принадлежащее обновленческой общине, и одно — «григорьевской». При этом в городе оставалось гораздо большее число храмов, принадлежащих «тихоновцам» — 9, только 4 — обновленцам, и один храм находился в пользовании «григорьевцев»⁷.

25 июня 1931 года вышло Постановление Президиума Оренбургского городского совета о закрытии Введенской, единоверческой, Воскресенской, Георгиевской, Никольской (в Форштадте), Покровской и Иоанно-Богословской церквей⁸. Все указанные церкви, по которым было принято решение о закрытии, относились к патриаршей ориентации, то есть канонически подчинялись оренбургскому епископу Павлу (Введенскому)⁹ и Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). В июне горсовет принял решение о закрытии ещё одной церкви в городе также патриаршей ориентации — Смоленско-Богородицкой кладбищенской церкви. Закрытие мотивировалось близостью церкви к участку под строительство учебно-сборного пункта, утратой церкви значения кладбищенской в связи с переводом кладбища на новое место и низкой посещаемостью церкви, и утверждением, что верующие могут удовлетворять

религиозные нужды в близлежащей Димитриевской церкви.

Согласно этим решениям в городе не должно было остаться ни одного православного храма. Так и случилось, если не считать Свято-Никольского храма патриаршей ориентации в Форштадте, находящегося в предместьях города и практически к нему относящегося. Более же всего удивительно, что православным верующим Оренбурга предлагалось «удовлетворять религиозные нужды» в оставшихся обновленческих храмах.

Шестого июля 1931 года епископ Оренбургский Павел (Введенский) направляет Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию рапорт о закрытии всех православных церквей в Оренбурге. По сведениям Оренбургского горсовета на 1 января 1932 года в Оренбурге остались только пять действующих церквей: Никольская церковь в Форштадте патриаршей ориентации, три церкви, принадлежащие обновленцам — Благовещенская, Михайловская и Димитриевская, и одна церковь «григорьевской ориентации», или, как написано в документе, Ново-Никольская церковь направления ВВЦС¹⁰.

Из переписки горсовета и крайисполкома следует, что в 1933 году единым решением была закрыта вместе с Михайловской и Ново-Никольской — Благовещенская церковь, также находящаяся в содержании обновленческой общины. Благовещенская

церковь уже в постановлении предназначалась к сносу, так как «совершенно непригодна к использованию за ветхостью»¹¹. В переписке не придаётся внимания наличию близлежащих церквей, в которые могли бы перейти верующие закрываемых молитвенных зданий, как это часто происходит при утверждении постановления о закрытии крайисполкомом или ВЦИК, указывается только на то, что «назначенные к закрытию церкви в настоящий момент действуют, но посещаемость единичная, так как за последнее время между верующими произошёл раскол»¹². Таким образом, если церкви находились в содержании обновленческих общин, их можно было более удобно и мотивированно закрыть, так как после закрытия они пустовали, становились бездействующими, и по этой причине можно было расторгать договор с общиной, в ведении которой находилась церковь.

К 1934 году в Оренбурге осталось только две действующих церкви: Никольская церковь в Форштадте староцерковного направления и Димитриевская церковь обновленческая¹³.

Община Никольской церкви для всего города продолжала оставаться твёрдым свидетелем Православия; члены общины свидетельствовали, что «в незакрытую до сих пор обновленческую Димитриевскую церковь мы, православные, не ходили и не ходим»¹⁴. Такая активность на общем фоне закрытия церквей,

вытравливания интереса к религии вызвала подготовку к ликвидационным мерам со стороны местных властей.

Первого ноября 1934 года Президиум ВЦИК утвердил закрытие Никольской Форштадтской церкви в городе Оренбурге¹⁵. Осенью 1934 года решением местных сельсоветов, утверждённых Президиумом Оренбургского горсовета, закрыли «в связи с хорошим урожаем» и отсутствием других складочных помещений, церкви в ближайших к Оренбургу сёлах: П.-Покровке и Бёрдах¹⁶. Православным верующим, по логике постановлений о закрытии, предлагалось «удовлетворять свои религиозные потребности» в оставшейся в городе обновленческой Димитриевской церкви. И поскольку в городе осталось единственное церковное здание, находящееся в пользовании обновленцев, православная община направила в горсовет заявление с требованием предоставить в аренду один из трёх приделов Димитриевской церкви. Хотя Президиум Оренбургского горсовета 25 июля 1935 года разрешает аренду одного придела Димитриевской церкви группой верующих тихоновского направления¹⁷, после жалобы председателя Областного (обновленческого) митрополитанского управления «архиепископа» Георгия Лапшина, постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме Оренбургского облисполкома, а затем и Президиум Облисполкома 5 февраля 1936 года, отменяют

это решение в связи с тем, что «договор на использование здания культа заключён был вначале только «обновленцами», кроме того, община «обновленцев» аккуратно исполняла принятые на себя обязательства»¹⁸.

Верующие «тихоновцы» проявили твёрдость в этом деле, исчерпав предел возможных ходатайств к власти: в начале февраля они обращаются к Председателю ВЦИК СССР Михаилу Калинину с жалобой, в которой излагают необходимость предоставления им третьего придела Димитриевской церкви. К жалобе прилагался список 846 человек, ходатайствующих об открытии третьего придела¹⁹.

Особым постановлением Президиума Оренбургского облисполкома от 26 июня 1936 года прежнее решение облисполкома было отменено: «Во изменение постановления Президиума облисполкома от 5/II-36 года № 155 обязать Президиум Оренбургского горсовета разрешить тихоновцам использовать для исполнения своих религиозных обрядов третий придел Димитриевской церкви, находящейся в ведении обновленцев»²⁰. Соответствующее решение прошло 28 июля 1936 года и в бумагах горсовета, в которых также рекомендовалось обновленческому «архиепископу» Георгию Лапшину «предоставить третий придел для переоборудования и произведения религиозных обрядов не позднее трёхдневного срока»²¹.

С закрытием храмов, значительным сужением легального

существования и деятельности церковной жизни Русская Православная Церковь была поставлена перед необходимостью организации подпольной деятельности. В общине Успенского придела Димитриевской церкви было много монашествующих из закрытой общины Успенского женского монастыря, на клиросе пел монашеский хор²², причём как на духовного руководителя общины недоброжелатели указывали на отца Сергия — по-видимому, речь идёт о протоиерее Сергии Целовальникове. В феврале 1937 года местная газета «Оренбургская коммуна» выступила со статьёй против монашеского хора²³ в приделе староцерковников.

25 мая 1937 года православная община Успенского придела Димитриевской церкви ходатайствовала в Комиссию по культурам при Президиуме ВЦИК о передаче им в пользование всех трёх приделов ввиду того, что немногочисленная община обновленцев не может содержать храм и осуществлять необходимый ремонт храма.

21 мая 1937 года, среагировав на кляузу обновленцев, облисполком направляет дело «О расхищении общественных средств «тихоновской» группы» в УНКВД²⁴. Был запущен маховик репрессий на оставшихся в городе православных священнослужителей.

Вызванные постоянными арестами священнослужителей перерывы в церковной жизни общины продолжались до сентября

1938 года, когда проведённое через областную комиссию по вопросам культов постановление Оренбургского горсовета о закрытии Димитриевской церкви было утверждено Президиумом облисполкома: «Принимая во внимание, что о закрытии церкви требует основная масса рабочих г. Оренбурга в количестве 8 000 человек и передачи здания таковой под клуб, с постановлением Горсовета согласиться, церковь закрыть, просить Президиум облисполкома данное постановление утвердить»²⁵. Президиум Облисполкома утвердил постановление 22 сентября 1938 г.²⁶

С этого момента действующих церквей в городе Оренбурге не осталось. Ближайшая действующая церковь находилась от города в восьми километрах в селе Подгородняя Покровка²⁷. Здание Димитриевской церкви власти собирались передать под клуб деткомиссии, но затем передали Облкинотресту под кинотеатр²⁸. В письме к Сталину члены религиозной общины Успенского придела Димитриевской церкви города Оренбурга пишут о закрытии церкви: «Ведь во всей округе нет ни одной церкви, чем наделали верующему народу стоны и горе»²⁹.

Возрождение

12 февраля 1990 года здание было возвращено верующим. Но в каком виде! Были снесены колокольня и главы, пристроено

помещение для кассы кинотеатра. По свидетельству протоиерея Владимира Акиншина, бывшего в 2000-х годах настоятелем храма, «во время войны в храме была мастерская, ремонтировали моторы танков, в послевоенные годы здесь был кинотеатр «Буревестник». Все фрески были замазаны, забелены. Все арки и своды были разрушены, впереди стоял большой киноэкран, в алтаре левого придела, Успения Пресвятой Богородицы, находился туалет (!), в правом — Троицком — располагался кабинет директора кинотеатра. Вся средняя, главная часть храма была просто изувечена. Около пяти лет ушло на то, чтобы выложить внутри все арки; наверху не было куполов, обыкновенная крыша — выложили заново четверик. Ныне покойный митрополит Леонтий (Бондарь, †1999) пригласил московских архитекторов, и они, сверяясь со старыми снимками храма, нашли похожий проект в Москве. По этому проекту и постарались воссоздать храм практически таким, каким он и был изначально. Колокольня уже более современного вида, но всё равно очень похожа на ту, старую».

Храм Божий начал возрождаться вместе с духовной жизнью верующих. Все прихожане помогали, кто чем мог: кто материально, кто безвозмездным трудом, разбирая старые разрушенные дома и очищая кирпич.

В 2000-х годах при храме было создано Православное

сестричество Успения Пресвятой Богородицы, состоялся монашеский постриг. Журнал «Оренбургские епархиальные ведомости» так писал об этом событии (№1 (47), январь 2003) в статье «Семь новых имён»: «В воскресенье, 22 декабря 2002 года, в храме во имя святого великомученика Димитрия Солунского г. Оренбурга Высокопреосвященнейший архиепископ Оренбургский и Бузулукский Валентин совершил чин пострига в монахини. Сёстры Варвара, Вера, Дионисия, Лия, Анна, Матрона и Евфросинья составят теперь основу Успенского сестричества, созданного при Димитриевском храме. Успенским оно названо в память существовавшего в Оренбурге и разрушенного во времена гонений Успенского женского монастыря. Пока монастырь не передан верующим, поэтому монахини составят сестричество и будут жить в специально устроенных для них кельях при Димитриевском храме. Чин пострижения в монахини проходил с 19 до 21 часа, сотни прихожан Димитриевского храма приняли в нём молитвенное участие. С зажжёнными свечами стояли они во время этого редко совершаемого пока ещё в наше время таинства и сопереживали ему. У многих на глазах были слёзы. Проводив владыку Валентина, прихожане поздравили монахинь с принятием ангельского чина».

Настоятелями (а при сестричестве — старшими священниками)

храма со времени его возвращения верующим были: протоиерей Александр Старков, протоиерей Валерий Мохов, протоиерей Владимир Акиншин, игумен Никодим (Мартынов), иеромонах Питирим (Чембулатов), иеромонах Варнава (Соколов).

Реставрационные работы, начатые в 1990 году, после передачи здания епархии, растянулись на двадцать с лишним лет. Заключительным этапом в начале 2012 года была работа художников-реставраторов. Это были студенты Оренбургского областного художественного училища под руководством опытного реставратора из Свято-Троице-Сергиевой лавры Дмитрия Ерёмкина, которые по фрагментам воссоздали уникальную старинную роспись на стенах храма. Но и теперь, по словам заместителя Дмитриевского мужского монастыря, игумена Варнавы, работ в храме предостаточно.

Конечно, всё это не мешает духовной жизни как насельников монастыря, так и прихожан. В храме есть много чтимых икон. Это Табынская и Казанская иконы Божией Матери, старинная икона Архистратига Божия Михаила, преподобного Серафима Саровского и многие другие. Недавно появилась икона блаженной Любви Рязанской, вскоре будут и мощи святых угодников. Но главное в монастыре — это молитва.

Об этом прекрасно знает игумен Варнава, тринадцать лет

проживший в Свято-Андреевском мужском монастыре под руководством известнейшего оренбургского старца, схииеромандрита Серафима (Томина, † 2013).

— Духовником монастыря назначен иеромонах Агафангел (Аксёнов), кто он, сколько ему лет, имеет ли он опыт духовничества, где жил раньше?

— Духовник, иеромонах Агафангел (Аксёнов) — ключевая фигура монастыря, и нам повезло, потому что братия, которая пришла с владыкой, — это опытная братия. Все они из Николо-Угрешского мужского монастыря, и пошли за владыкой Вениамином, когда его перевели из этого монастыря епископом Пензенской епархии, затем — в Рязанскую митрополию, уже митрополитом, а затем и в Оренбург — пошли за ним, как его монашеская гвардия, можно сказать. Все они опытные, хорошие монахи, в этом нет никаких сомнений. Духовник у нас — иеромонах Агафангел (Аксёнов) — это, можно так сказать, милость Божия для нашего монастыря. Он — человек, к которому люди тянутся, хотя ему 44 года, он имеет опыт духовничества — три года в Пензенском мужском монастыре, а в монашестве он 12 лет. В Николо-Угрешском монастыре он был на должности благочинного, и там он постоянно исповедовал людей.

— А тут только он будет исповедовать прихожан?

— Нет, прихожан мы все будем исповедовать; понимаете, духовник монастыря — это человек, который отвечает за духовное состояние монахов, за духовное руководство братией, мы все периодически у него исповедуемся. Без духовника не может существовать ни один монастырь. А принимать исповедь прихожан может любой иеромонах.

— Будет ли, кроме богослужений и молитв, новый монастырь заниматься какой-то ещё работой — социальной или миссионерской?

— Монастыри всегда притягивали людей и одним своим существованием, своей жизнью, уже и являли проповедь. Но, конечно, в городе, особенно сейчас, есть нужда в работе с людьми, и в основном — с молодёжью. Потому что сейчас идёт такое время, что если мы упустим несколько поколений, то потом их уже не соберёшь, и у нас не будет страны как таковой. Не знаю, уж насколько мы сможем поучаствовать в этом, понятно, что молодой монастырь должен сначала устояться, но мысли о возможных направлениях работы у нас уже есть.

Во-первых, бездомные — их количество просто поражает, и никто толком ими не занимается. Нет ни одного такого православного центра в нашем городе, где бы их принимали. Не знаю, это

дело монастыря или нет, но им нужно иногда просто помещение, где они могли бы переночевать, прийти в себя, умыться...

Во-вторых, видится какая-то работа в информационном пространстве, потому что, коль скоро мы в городе находимся, должна быть соответствующая информация и о нас, и мы должны иметь какой-то контакт с теми, кому мы интересны, с молодёжью.

В-третьих, при монастыре и сейчас уже можно осуществлять какие-то проекты. Например, рядом с нами находится первый корпус Оренбургской епархиальной православной гимназии — на улице Рыбаковской. Мы с ними можем сотрудничать.

Уже сейчас у нас есть воскресная школа для взрослых — по воскресеньям после литургии, в 11.30 начинаются занятия. Ведём мы и социальную работу — кое-какие вещи собираем и передаём соцзащите. Может быть, у нас будет патронажная служба, но это пока только в проекте.

— Недавно вас назначили ещё и настоятелем храма Архангела Михаила на кладбище посёлка Пригородного, это будет подворье?

— Пока это просто приходской храм, который мы окормляем, там служим по очереди. Этот храм, кстати, очень подходит для монашеского устройства — отдалён от города, в тихом, уединённом месте, на кладбище — «память смертная» — что ещё нужно

монаху?! Честно говоря, для меня это такая отдушина, потому что я скучаю по уединённым службам — таким, какие у нас были в Андреевском монастыре. Мне всегда будет не хватать Пустыни... Так что кладбищенский храм для нас, монахов — даже большое утешение. А речь ни о каком подворье там пока не идёт.

— Поскольку вы, отец Варнава, и сами ещё довольно молоды, что хотели бы сказать молодым прихожанам?

— Слава Богу, сейчас есть молодые люди, которые ходят в храмы, хотя в Оренбурге процент их гораздо меньше, чем, например, в Москве или Петербурге. Но, возможно, это от того, что там вообще больше населения, или край наш многоконфессиональный. Но я хочу сказать им на своём опыте: если молодой человек не будет жить церковной жизнью, если у человека не будет прочного духовного якоря, то он рискует потерпеть катастрофу в жизни, он просто не выживет в современном мире.

Справиться, как сейчас модно говорить, с «духовными вызовами», не имея духовного основания, мне кажется, невозможно. Даже если посмотреть на современную Европу: там многие люди принимают ислам. Почему? То христианство, которое у них уже выхолостилось, их не удовлетворяет, они ищут духовной опоры и находят её в исламе, потому что

там всё просто, но это лучше, чем ничего. Когда «ничего», уже не выживешь.

Если в советское время у нас были какие-то жёсткие государственные рамки, ограждающие семью, то в современном мире семья рушится, школа воспитания не занимается, разводы стали чуть ли не нормой... А семья — ячейка общества. Такое общество уже нежизнеспособно, в таком мире без духовного стержня не выжить. Никаких барьеров в этом мире уже нет, кроме религиозной составляющей.

И это только то, что бросается в глаза, а ещё очень много других факторов: и информационный, и огромное количество сект. Наше время не просто агрессивное, оно духовно агрессивное. Если человек не будет в Церкви Божией, существует большая вероятность того, что он попадёт под действие другой религиозной силы, возможно, деструктивной, даже террористической или разрушающей психику.

Для молодых людей это вопрос выживаемости — жизнь церковная. Не просто зайти в храм два раза в год, и знать, что ты — христианин, а быть воцерковлённым, жить церковной жизнью, быть в ограде Божией. Наш известный проповедник Андрей Ткачёв постоянно говорит: «Без еженощного посещения литургии ничего у вас не получится». Без исповеди, без духовного руководства... У человека может

быть всё хорошо материально — до поры до времени — но человек всё-таки духовное существо, и этот внутренний голод духовный он ничем иным не заполнит.

Монастырь в этом вопросе очень даже может помочь и молодому, да и любому человеку, ведь у монастыря есть одна функция, которую, собственно говоря, и не отменял никто, и ради чего, в том числе, монастыри и существуют: побеседовать, поговорить. Город — это место, где особенно много страдающих людей, попавших в беду, не только в обычном смысле слова, но и в душевном и духовном... Раньше всегда люди с такими проблемами ехали в монастыри. Понятно, что у нас не Оптина Пустынь, у нас старцев нет, но нужда в этом есть и, насколько мы можем, мы стараемся помочь людям. Хотя бы выслушать и поделиться собственным опытом.

Так что тех, кто придёт в храм, в монастырь, тех, кто ищет свой путь ко Христу, мы стараемся принять, направить, поддержать — это наша обязанность, как монахов, как священников, служителей Церкви Христовой.

В Евангелии от Матфея сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас; возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко» (Мф. 11:28-30).

ИСТОЧНИКИ:

1. Цыпин Владислав, прот. Русская Православная Церковь (1925–1938). М., 1999. С. 52.
2. Там же. Л. 70.
3. Там же.
4. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1236. Л. 68.
5. ЦДНДОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 124.
6. Там же.
7. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587 Л. 17.
8. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1682. Л. 21.
9. История иерархии Русской Православной Церкви. Ук. соч. С. 353.
10. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 4.
11. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 49; Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
12. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 49.
13. Там же. Л. 131.
14. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1681. Л. 15.
15. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 151, 152.
16. Там же. Л. 150, 154.
17. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.
18. Там же. Л. 22, 27, 29.
19. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 1288. Л. 55-56.
20. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 34 об.
21. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3-4.
22. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1457. Л. 17.
23. Там же.
24. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Книга II. Оренбург. 1999. С. 286.
25. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 117.
26. Там же. Л. 125.
27. Там же. Л. 137.
28. Там же.
29. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 129 об.